

УДК 94(510).08+303

КУРАС Леонид Владимирович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

МОНГОЛИЯ В 1911–1913 гг.: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Аннотация. Статья посвящена современной историографии Синьхайской революции (1911–1913) в Китае, ставшей отправной точкой монгольской государственности, на примере работ российских и монгольских исследователей, опубликованных в монографиях, сборниках статей и материалах научных конференций. Это обусловлено намечающимся в последние годы новым подъемом научного интереса к Синьхайской революции, а также 100-летием подписания трехстороннего Кяхтинского договора 1915 г. представителями Монголии, России и Китая, в соответствии с которым Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая.

Ключевые слова. Россия, Монголия, Китай, Маньчжурия, династия Цин, Синьхайская революция, монгольская государственность

История современной Монголии — органическая и неотъемлемая часть мировой истории, но особенно тесно она связана с историей соседей — России и Китая, с теми всемирно-историческими революционными изменениями, которые произошли в этих странах в начале XX в. При этом особую роль в становлении монгольской государственности сыграла Синьхайская революция 1911–1913 гг. Именно поэтому в настоящей статье мы рассмотрим феномен Синьхайской революции в том контексте, который нашел свое отражение в работах современных российских и монгольских ученых.

В настоящее время российские и монгольские исследователи уделяют этим событиям значительное внимание. При этом особо выделяются следующие аспекты: 1) кризис Цинского двора в начале XX в. и его воздействие на нарастание политического и экономического кризиса в Монголии; 2) политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.; 3) Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства.

Кризис Цинского двора в начале XX в. и его воздействие на нарастание политического и экономического кризиса в Монголии

Особое направление современных российских исследований, так или иначе посвященных истории Синьхайской революции, представляет изучение историографии кризиса Цинской империи. Специфика проблемы заключается в том, что в российской историографии главным образом рассматриваются особенности императорского Китая начала XX в.: его политика, экономика, ментальность, религиозная составляющая. При этом подчеркивается, что нарушение его специфики, связанное с приходом западной культуры и западных технологий, как раз и привело к Синьхайской революции и падению монархии. Наиболее ярким проявлением такого подхода является творчество Ю.В. Чудодеева [Чудодеев 2013]. Он совершенно обоснованно подчеркивает, что существование империи во многом предопределило такую особенность, как непрерывность социально-экономического, политического и культурного развития китайской цивилизации. При этом Китай тысячелетиями развивался как относительно замкнутая цивилизация. Это было обусловлено незыблемостью его идеологических конфуцианско-традиционалистских основ. Что касается регулярных династийных кризисов, то они обычно завершались падением одного и появлением очередного, нового монарха, что никак не влияло на сами устои традиционного общества. Вплоть до начала XX в. все эти процессы происходили циклично, без каких-либо системных изменений в китайском монархическом строе [Нефедов 2007]. Ю.В. Чудодеев осо-

бенно подчеркивает суть государственного начала — целеустремленное выстраивание вертикали власти для авторитарного управления огромными людскими массами. Управление это «вело» через огромный, разветвленный, тщательно подобранный и отфильтрованный бюрократический аппарат, который играл огромную роль в урегулировании отношений центра и периферии, между императором и его подданными, между властью и социальной оппозицией в каком бы то ни было виде» [Чудодеев 2013]. И вот эту замкнутость внутренне неизбежной монархической системы Китая нарушило вторжение Запада, открывшего принципиально новую эпоху взаимодействия двух совершенно разных миров — конфуцианско-традиционалистской китайской цивилизации и западной капиталистической цивилизации, взаимодействия и синтеза китайских и западных начал, выражавшегося, в частности, в смешении принципов западного технотизма и китайской конфуцианской духовности, западной рациональности и китайской иррациональности, равенства и иерархичности, революционности и эволюционности. Вторжение Запада означало резкое вынужденное включение Китая в мировые политические, социально-экономические и культурные процессы. Сохранить древнее русло автономного циклического развития Китай больше не мог.

Запад навязывал новую, более динамичную, современную и прогрессивную (с точки зрения европейцев) модель развития, которую Китай был вынужден принимать и мучительно переваривать, пытаясь до последней возможности написать их в догмы своих традиционалистских концепций. Открытие Китая положило начало сложному процессу сближения, открытой конкуренции и стремления к консенсусу. Все эти процессы неизбежно затронули основы монархического режима в Китае, который, в конце концов, в 1912 г. был ликвидирован. Синьхайская революция оказалась неизбежным следствием кризиса Цинской монархии и резкого усиления центробежных тенденций внутри страны.

Но были и новые обстоятельства, нашедшие отражение в российской историографии и делавшие невозможной прежнюю цикличность. Первое. По справедливому мнению известного китаиста В.Ц. Головачева, поражение цинских верхов в противоборстве с западными державами, завершившееся подписанием унижающего Заключительного протокола [Головачев 2012], превращало Китай из «страны-гегемона» в полуколонию. Это было «потерей лица» для всего китайского общества. И в этом китайское общество винило маньчжуров, стоящих у кормила власти и допустивших унижение Срединной империи западными «варварами». Второе. Движение тайпинов привело к становлению и развитию новой китайской военно-бюрократической элиты, сыгравшей не последнюю роль в свержении династии Цин. Династия сама приближала свой крах, стимулируя китайский национализм в его антиманьчжурском варианте.

Но для нас наибольший интерес, пожалуй, представляет третье обстоятельство — значительное ослабление в начале XX в. вертикали цинской власти и активное развитие китайских провинциальных военно-бюрократических анклавов, что также способствовало краху маньчжурской династии. Именно этой проблеме уделяет внимание современная российская историография, подчеркивающая влияние событий и результатов Синьхайской революции на отдельные соседние или связанные с Китаем регионы и народы, определяющая, в частности, роль Синьхайской революции в обретении независимости Внешней Монголией (Халха), Тибетом и Баргой [Белов 1991; 1992; Кузьмин 1997; Урангуа 2013а; 2013б]. К сожалению, эти аспекты практически находят лишь косвенное отражение в современной монгольской историографии.

Политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.

В историографии XX–XXI вв. традиционно значительное внимание уделяется вопросам внешнеполитических, межгосударственных и дипломатических отношений между Россией, Китаем и Монголией [Лузянин 2003]; связям Китая с США и позиции США в отношении происходящих в Китае изменений; японо-

китайским контактам во время Синьхайской революции; отношению японских политических кругов к событиям в Китае и стремлению Японии оказывать влияние на Китай в своих интересах; позиции Японии по отношению к Монголии [Батбаяр 2002]. Но в рамках поставленной нами проблемы мы сосредоточим наше внимание на современной российско-монгольской историографии политики Российской империи в отношении Монголии в начале XX в., предшествовавшей Синьхайской революции.

Так, монгольские ученые в большей мере акцентируют внимание на внутренних противоречиях политической элиты России в начале XX в., хотя все представители политических, военных и торгово-промышленных кругов Российской империи однозначно рассматривали Монголию, находившуюся под влиянием империи Цин, как существенную часть политики правительства северного соседа [Батсайхан 2014: 19].

Среди политических лидеров императорской России периода Русско-японской войны были сторонники отделения Монголии от Маньчжурии и приведение ее в русло японских интересов.

Другая партия желала, чтобы Монголия сблизилась с Китаем и вела непримиримую борьбу с Японией, дабы осуществить свои дальневосточные задачи чужими руками.

Что касается российского генералитета, жаждавшего реванша за поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг., то он рассматривал события 1911 г. как благоприятную ситуацию, чтобы присоединить Монголию к России, мотивируя это тем, что Халха не готова стать самостоятельным государством и «исторически не имеет предпосылок для автономного управления государством, поскольку кадров государственных деятелей, военачальников и финансистов не имеется» [Батсайхан 2014: 19–20].

С самостоятельной позиции выступали российские промышленники и предприниматели, высказывавшиеся за содействие стремлению монголов к государственной самостоятельности и установлению протектората над этой страной, но не для того, чтобы ввозить товары в Монголию, а для того, чтобы вывозить продукты животноводства из Монголии в Россию [Батсайхан 2014: 20]. Важно отметить, что в последующем именно эта позиция нашла свое отражение в монголо-российском соглашении о дружбе, заключенном в октябре 1912 г., и в Кяхтинском соглашении 1915 г.

Но были еще и сторонники развития партнерских торговых отношений России с Монголией, которые высказывались за создание автономной Монголии под протекторатом Китая [Батсайхан 2014: 22].

И наконец, существовала еще одна точка зрения: «Монголия – монголам». Суть ее заключалась в том, что Монголия не в состоянии защитить свою независимость как от Китая, так и от России, и потому необходимо создать автономное буферное государство под покровительством союза европейских государств [Батсайхан 2014: 22].

В плане поставленной проблемы, несомненно, интересна позиция российских монголоведов. Сразу же следует отметить, что пристальный интерес России к Монголии начинается с XVII в., причем интерес устойчивый и постоянный [Белов 1999; Единархова 2003; Кузьмин 2002; Старцев 2003]. При этом научный интерес и публикаторская активность оказались столь значительными, что это позволило профессору В.Д. Дугарову осуществить историографическое обобщение проблемы [Дугаров 2004]. По свидетельству Е.М. Даревской, за 50 лет, начиная с 1870 г., в Монголии работали 150 экспедиций различного профиля [Даревская 1994: 264]. Российские ученые подчеркивают, что к началу XX в. Монголия превратилась в конгломерат полуколоний мировых держав, которые уже завершили раздел мира на колонии и боролись за передел уже поделенного мира. Поэтому ситуация в полуколониях определялась их включением в важнейшие договорные документы ведущих мировых держав, в соответствии с которыми в некоторых полуколониях вызревали внутренние и внешние предпосылки возникновения новых суверенных

государств. Это в полной мере относилось и к Монголии, которая искала точку опоры на стороне [История Монголии 2007: 18].

Положение Монголии накануне Синьхайской революции 1911 г. характеризовалось, с одной стороны, нависшей угрозой превратиться из привилегированной части империи с самобытной культурой в заурядную китайскую провинцию с преобладающим ханьским населением. Так, по данным уполномоченного императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 – мае 1913 г. И.Я. Коростовца, в 1910-х гг. «китайцев насчитывают в куренях и маймаченах до 25 000, тогда как русских не больше пятисот» [Коростовец 2004: 205]. Известный монголовед И.И. Ломакина подчеркивает, что почти все «скотоводы – жители Степи... жили в долг китайским торговцам, расплачиваясь за набранные товары первой необходимости ожидаемым приплодом скота» [Ломакина 2006: 61].

С другой стороны, положение Монголии характеризовалось ее вовлечением в орбиту широких межгосударственных отношений. Коллектив авторов «Истории Монголии» подчеркивает, что светские и духовные феодалы Внешней и Внутренней Монголии отдавали себе отчет в том, что последствием такого положения «может быть не только разрыв с Пекином и успешное противостояние ему, но и чрезмерное усиление позиций России в Монголии в условиях острой конфронтации последней с южным соседом» [История Монголии 2007: 29].

Для понимания всей важности Монголии для России, и особенно для Сибири, несомненно, большое значение имеет письмо знаменитого российского монголоведа Б.Я. Владимирцова ученому-монголоведу и общественному деятелю А.В. Бурдукову от 25 июня 1912 г., где среди прочего автор письма указывает: «Никто в России не понимает, насколько важна Монголия России, в особенности Сибири. Да и никто не знает и не понимает, что Монголия – это не Маньчжурия. Но в последнее время в обществе постепенно стали понимать это». Именно этот аспект нашел широкое отражение в публикациях представителей иркутской школы монголоведения Е.М. Даревской, Е.И. Лиштованного и Ю.В. Кузьмина, в которых особое внимание занимает сибирский компонент [Даревская 1994; Лиштованный 2002; 2013; Кузьмин 1991; 1997; 2002].

Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства

В данном контексте хотелось бы дать общее представление о некоторых конкретных целях и направлениях исследований, связанных с проблематикой Синьхайской революции на примере современных публикаций российских и монгольских ученых.

В духе научных исследований советского периода российские исследователи-китаисты до сих пор стремятся определить характер Синьхайской революции, оценить ее результаты, место и значение для последующего развития Китая. Среди тем, связанных с Синьхайской революцией и вызывавших основную полемику и дискуссии, имеет место, прежде всего, определение характера Синьхайской революции (буржуазная или буржуазно-демократическая), а также вопрос о победе или поражении этой революции. Революция по своему типу определяется как буржуазная, однако реального перехода государственной власти к буржуазии не было. Кроме того, сохранилось влияние иностранных держав на Китай. В то же время отмечаются и положительные аспекты Синьхайской революции, и прежде всего потому, что события 1911–1913 гг. привели к свержению монархии в Китае, открыв народу путь к борьбе за демократию.

Однако в русле поставленной нами проблемы особый интерес представляют русско-китайские отношения через призму монгольского вопроса. В этом отношении особый интерес представляет монография Е.А. Белова, в которой подчеркивается, что к 1911 г. русско-китайские отношения приобрели напряженный характер, особенно после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. [Белов 1999: 3]. В этот период в Китае проводилась военная реформа, шло интенсивное железнодорожное строительство с привлечением иностранного капитала,

намечалась прокладка железных дорог в Монголии и Маньчжурии до границы с Россией, строился военный флот, в широких масштабах проводилась колонизация Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не случайно в правительственных и общественных кругах России видели в Китае реальную военную угрозу, и потому царское правительство намерено было принять превентивные меры. Поэтому, когда в декабре 1911 г. во время начавшейся в Китае Синьхайской революции халхаские князья и высшие ламы провозгласили независимость Монголии, оно взяло курс на создание буферного государства из Северной и Западной Монголии. Исследователь справедливо отмечает, что царскому правительству удалось решить эту задачу, когда в 1915 г. по русско-китайско-монгольскому соглашению, подписанному в Кяхте, Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию, официально оставаясь в составе Китая [Белов 1999: 3]. В то же время известные монгольские ученые О. Батсайхан и Ж. Урангуа рассматривают события в Монголии не как следствие Синьхайской революции, а как самостоятельное явление, что, во-первых, не соответствует реальному ходу исторических событий, а во-вторых, принижает заслуги российской дипломатии, которая много сделала для возникновения монгольской государственности и выступала ее гарантом [Батсайхан 2014: 133-134; Урангуа 2013а; 2013б; Батсайхан 2002]. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «в 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости» [Батсайхан 2014: 51]. Именно поэтому необходима взвешенность позиций и оценок исторических событий столетней давности, и коллектив авторов «Истории Монголии» в этой связи подчеркивает: «В июле 1911 г., когда происходил крах Маньчжурской империи и администрация режима династии Цин теряла контроль над событиями в политически раздробленном Китае и в Монголии, в Урге во главе с Джебзундамба-хутухтой состоялось тайное совещание 18 наиболее влиятельных князей, на котором... было принято решение воспользоваться благоприятной обстановкой начавшейся в Китае революции для провозглашения независимости страны» [История Монголии 2007: 28]. С ними созвучно и мнение молодых исследователей, чьи диссертации пополнили российскую историографию, которые подчеркивают, что именно «Синьхайская революция 1911–1913 гг. в Китае стала поворотным моментом борьбы за независимость монголов» [Батунаев 2013: 3] и «спровоцировала национально-освободительные движения на окраинах Цинской империи и привела к ее распаду. Первой территорией, которая выделилась из состава Цинской империи, была Халха (Внешняя Монголия), где возникло мощное народное движение [Коростовец 2004: 3]. Более того, в сборнике документов, подготовленном Л. Дэндэвом, прямо указывается, что причина провозглашения независимости Внешней Монголии лежала в бедственном положении империи, о чем зимой 1911 г. сообщалось телеграммой маньчжурскому правительству: «В течение двухсот с лишним лет Монголия пользовалась особым расположением к себе богдыханов и не собиралась никогда прекращать служить империи Цин верой и правдой, делить с ней радость и горе. Но в течение последних десятилетий стержень власти, к сожалению, покачнулся, пограничные наместники и чиновники центральных ведомств начали грубо попирали законы, занялись поборами и взятками. В результате нет сейчас в мире более дикого и заброшенного угла» [Дэндэв 2003: 27-35]. Более того, по оценке Е.А. Белова, «вместе с загнивающей империей Цин Монголия катилась в пропасть» и «оказалась наиболее слабым звеном империи» [Белов 1992: 28].

В чем созвучны современная российская и монгольская историография, так это в оценке самой сути свержения Цинской монархии, что поставило перед Монголией непростую задачу – формирование новых общественно-политических структур и построение качественно новых государственных отношений. 29 декабря 1911 г. прошла торжественная церемония возведения богдо-гэгэна VIII Джебзундамба-хутухты на государственный престол. Монголы провозгласили его правителем-ханом Монгольского государства [Батсайхан 2013: 122], что означало образование независимого государства.

Таким образом, следует отметить несомненный интерес российских специали-

стов к изучению истории Синьхайской революции. Однако китайская революция через призму образования Монгольского государства представлена в российской историографии крайне слабо. Что касается монгольской историографии, то эта проблема пока не стала объектом пристального внимания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

Батбаяр Ц. 2002. *Монголия и Япония в первой половине XX века*. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ.

Батсайхан О. 2002. Монголын тусчаар тогтнол ба хятад, орос, монгол гурван улсын 1915 оны хиагтын гэрээ (1911–1916). Улан-Батор.

Батсайхан О. 2013. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года. – *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. № 3(11). С. 121-137.

Батсайхан О. 2014. *Монголия на пути к государству-нации (1911–1946)* (отв. ред. В.Б. Базаров). Иркутск – Улан-Удэ. 384 с.

Батунаев Э.В. 2013. *Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.)*: автореф. дис. ... к.и.н. Улан-Удэ. 23 с.

Белов Е.А. 1991. Позиции России и Китая в отношении Монголии после провозглашения ее независимости (1911–1912 гг.). – *Материалы 22-й научной конференции «Общество и государство в Китае»*. Ч. 2. М.

Белов Е.А. 1992. К истории русско-китайских отношений в период революции 1911–1913 гг. в Китае. – *Материалы 24-й научной конференции «Общество и государство в Китае»*. Ч. 2. М.

Белов Е.А. 1999. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)* (отв. ред. С.Л. Тихвинский). М.: ИВ РАН. 239 с.

Головачев В.Ц. 2012. Незавершенная революция: пересмотр идейного наследия Сунь Ятсена и его эпохи. – *Восток (ORIENTS)*. № 3. С. 140-144.

Даревская Е.М. 1994. *Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX веков*. Иркутск: Изд-во ИГУ. 396 с.

Дэндэв Л. 2003. *XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын уеийн онцлог баримт бичгууд)* [Источники по истории Монголии XX в. Особые документы по периоду автономии Монголии (под ред. О. Батсайхана)]. Улан-Батор.

Дугаров В.Д. 2004. *Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX: вопросы историографии*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ.

Единархова Н.Е. 2003. *Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921)*. Иркутск: Отгиск. 250 с.

История Монголии. XX век (отв. ред. Г.С. Яскина). 2007. М.: ИВ РАН. 448 с.

Коростовец И.Я. 2004. *От Чингисхана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени)*. Улан-Батор: Эмгэнт. 560 с.

Кузьмин Ю.В. 1991. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции. *Материалы 23-й научной конференции «Общество и государство в Китае»*. Ч. 2. М.

Кузьмин Ю.В. 1997. *Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е гг. XX в.)*. Иркутск: Изд-во ИГУ. 232 с.

Кузьмин Ю.В. 2002. *Россия и Монголия на рубеже веков: русско-монгольские отношения конца 19 – начала 20 вв. в российских исследованиях*. Иркутск. Изд-во БГУЭП. 100 с.

Лиштованный Е.И. 2002. *Монголия в истории Восточной Сибири*. Иркутск: Изд-во ИГУ.

Лиштованный Е.И. 2013. Сибирь и Монголия в период деятельности И.Я. Коростовца. – *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал*. Улаанбаатар хот. С. 74-82.

Ломакина И.И. 2006. *Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе)*. М.: Товарищество научных изданий КМК. 203 с.

Лузянин С.Г. 2003. *Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: ОГНИ. 320 с.

Нефедов С.А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ. 141с.

Старцев А.В. 2003. *Русская торговля в Монголии. Вторая половина XIX – начало XX в.*: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 308 с.

Урангуа Ж. 2013а. Провозглашение независимости Монголии. Победа национально-освободительной революции 1911. – *Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура*: сборник научных трудов. Улан-Батор – Иркутск: БГУЭП. С. 143-151.

Урангуа Ж. 2013б. События 1911 года в Китае и усиление антиманьчжурского движения монголов [Хятад дахь хэрэгвдпууд ба манжиа салан тусгаарлах гэсэн монголчуудын тэмцлийн эхлэл]. – *Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура*: сборник научных трудов. Улан-Батор – Иркутск: БГУЭП. С. 152-155.

Чудодеев Ю.В. 2013. Синьхайская революция и крах монархии в Китае. – *Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации*: сборник статей. М.: ИВ РАН. С. 23-33.

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor; Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Sah'janovoj st., 6, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru)

MONGOLIA IN 1911–1913 (CONTEMPORARY RUSSIAN AND MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY)

Abstract. *The article analyzes the contemporary historiography of the Xinhai Revolution (1911–1913) in China, which was the starting point of Mongolian statehood. Russian and Mongolian monographs, edited volumes and materials of the scientific conferences are analyzed. During the recent years one could find a new rise of scholarly interest to the Xinhai Revolution as well as to the 100th anniversary of signing of the trilateral Kyakhta agreement (it was signed in 1915 by the Mongolian, Russian and Chinese sides), that recognized the Outer Mongolia as an autonomous region of China.*

Keywords: *Russia, Mongolia, China, Manchuria, Qing dynasty, Xinhai Revolution, Mongolian statehood*